

Ее любимый Тузик, темная такса, тщательно обнюхивал меня у порога, повилась хвостом и пропустил в квартиру.

— Никакого от него толку, — махнула рукой Гурченко. — Любим гостям рад.

— Он же не сторожевой пес, — заступился я за Тузика. — Охотничья норная собака.

— Все в доме перерыл. И под одеяло, как в нору, забегает... А без него уже невозможно. Я знакомым говорю: вы должны переспать с Тузиком, тогда поймете, какая эта собака, как от него тепло.

В гостиной в вазах стоят бледные розы. Она садится напротив, нога на ногу и, повернувшись в профиль, задумчиво смотрит на хмурый день за окном.

— Людмила Марковна, там на улице кризис с дождем и вытекающими последствиями.

— Я скажу, может, жесткую вещь по отношению к себе и другим. Но, по-моему, это так естественно — то, что сейчас происходит... И кто его знает, что такое российская демократия. И как она должна устроиваться... Больно за людей старшего поколения. За десять лет этой новой, как ее назвать... системы? — они пережили бог знает что. От привычного вьетнамского лозунга "каждому по труду" к пугающей свободе с мизерными пенсиями. Мне всегда было интересно, наступит ли такое время, когда социалистический лозунг будет работать. Я, помню, когда-то гуляла по Нью-Йорку, наблюдала бомжей и нищих, расположившихся у госучреждений на Пятой авеню. Но не могла себе представить, что когда-нибудь подобное появится у нас. С какой невероятной скоростью произошли эти изменения...

— Но одно в нашем укладе осталось прежним и неизменным с тех незапамятных времен. И знаете что?

— Интересно.

— Телевизор. По-прежнему мы забываем обо всех неприятностях у экрана. И, глядя на вас, зритель уверен, что вы не подвержены никаким катаклизмам, неуязвимы для времени.

— Я и не менялась, по-моему, никогда. Точнее, не пыталась себя переделать.

— Наверное, определяющую роль сыграли слова отца, который с детства напутствовал вас: "Иди, дочурка, вжарь как следует быть. Никого не бойся. Дуй свое!"

— Да, наверное, так.

— Свое имя вы получили за два часа до рождения?

— Отец посмотрел тогда популярнейший американский фильм "Акулы Нью-Йорка". Красавец Алан совершал чудеса храбрости ради своей возлюбленной Люси. После сеанса потрясенный папа примчался в роддом и передал записку маме: "Лель! Если в меня будет орел, назовем Алан. Если девычка, хай будет Люси".

— Может, киношное имя и предопределило вашу судьбу?

— Кто знает. Сейчас я отошла от кино. Не удивляйтесь. Сколько можно! В сценарии написано 35 лет, а мне (смеется) 28... Время, отпущенное актеру, чтобы показать себя, заработать денег, очень скоро кончается. Сегодня, пожалуйста, делай, что угодно, но силы-то, здоровье остались ТАМ. Переломы, операции, пирожки, бутербродики, жуткие столовые на съемках. Все на ходу, на бегу. Дикий, дикий темп... Вот случай (смеется). Снимали "Сибириаду". У меня сломана нога. Играем любовную сцену с Михалковым. А нога болит, никак меня не уложат нормально. Что делать? Тут же вытащили девицу из массовки. Мотор! И вдруг Михалков хочет. Оказывается, в самый ответственный момент она его шепотом спрашивает: "А как фильм-то называется?"

— Вам грех жаловаться на короткую актерскую судьбу. Свои "гастроли" вы начали, если не ошибаюсь, лет в шесть?

— Раньше. Еще в детском саду. Интересно, — я разглядывала потолок. Сад размещался в старинном особняке, и потолок был изумительно расписан ангелочками, облаками. С тех пор у меня удвоенная любовь и к Микеланджело, и Буше, и Ватто — некий ассоциативный ряд, связанный с детством. Все эти розово-голубые тона. Одно время я даже собирала ангелочков. Глупость, конечно... А в детстве пела перед немцами-оккупантами, чтобы не умереть с голоду. Хотя это были не те немцы, не каратели, не эсэсовцы — просто солдаты, которых погнали на фронт. Без моих тогдашних "заработков" мы бы пропали. Пела однажды в поезде военные песни (их до сих пор поет за столом даже молодежь). Пассажиры насобирали полную шапку денег.

— Людмила Марковна, вы играете в кино, театре, прекрасно поете, танцуете, пишете книги...

— Я еще могу (смеется) спокойно надеть туфли 35-го размера, если это нужно. Хотя сама ношу 38-й...

— Каждый актер должен обладать такими способностями?

— Гениально сказала Раневская: "Врачом, учителем и актером нужно родиться". Плюс еще и каторжная работа, и силы справиться с разочарованием, падением. Всегда, когда я наверху, уже думаю, каково будет падать. Потому что знаю, как это больно без подготовки.

— Первый успех пришел к вам после "Карнавальная ночь". А разочарование?

— Тогда же.

— Странно. Именно этот фильм принес вам популярность, вас стали узнавать на улицах.

— Успех картины был невероятным. Просто ошеломляющим. Сейчас уже можно об этом говорить. В книге я написала довольно скромно. Сейчас уже никто не будет завидовать. Это прошло. Тот человек, которым тогда была я, — умер, давно исчез. Я говорю об этом, оглянувшись. И, наверное, еще долго буду оглядываться — там позади огромная дорога медных труб...

Возникает пауза, которую она, актриса, умеет держать долго. За окном какие-то морозящие завихрения.

— Не знаю, почему-то вспоминается замечательный плакат, разделенный на две части. С одной стороны цветной, с другой — черно-белый. "Дорогу таланту!" — на скрипке вдохновенно играет молодой человек. И черно-белая часть: "Дорога таланта" — скрипач со смычком и скрипкой, весь несчастный, скукоженный. Не знаю точно, что он олицетворял. Скорее всего две системы. Но это неважно.

После "Карнавальная ночь" за мной ходили толпы поклонников. У меня было одно серенькое платьице — от него буквально отрывали кусочки на память. Посыпались приглашения на концерты. А у меня чулок не было. Я брала у пианистки чулки, и она разворачивала пианино так, чтобы не видели ее ног. Папа вообще ничего не понимал. Он же был советским человеком. Всем сердцем за Родину, за Сталина. "Як же так, дочурка сидит, усе ее знают, а мы

ей деньги посылаем — за комнату надо платить, одеть нема чего..." Он никак не мог понять. Такой успех, такая слава. А меня прописывают домработницей для того, чтобы я поступила на Мосфильм, потому что Мосфильм не принимал без прописки. В "Комсомолке" выходит статья "Чечетка налево", где разоблачаются мои нелегальные выступления. Одна в Москве в 20 лет. Знаете, это был мощный мозговой удар.

— И все же потом было множество замечательных фильмов, ярких ролей. Не рано ли вы собрались прощаться с кинематографом?

— А я и не прощаюсь. С чего это вы решили? Может быть, свершится чудо и всплывут еще одни "Старые стены". Смотрю фильм и удивляюсь — неужели это я. Как я могла сыграть это? Только на пике отчаяния. В общем, лечу и думаю: или колоссальный бросок вперед, или сотрут в порошок. Что-то за гранью сознания. Бог с ним — что будет, то и будет! Может, летальный исход? А может, суицид?

Сколько можно жить без работы? Зачем?

— А в театре проще? Я, например,

не представлял вас в роли урожденной английской леди. Но после спектакля "Недосыгаемая" готов был присягнуть, что Харьков — побратим города Лондона.

— Английская леди тоже женщина. Такая же, как в зале. Со своими бедами, радостями, ощущениями. Конечно, походка, манеры, общение без говорка. Но за это, извините, мне деньги платят. А исходила я из того, что она такая же женщина... Когда готовишься к новой роли, переживаешь ее, проглатываешь, в тебе рождается эмбрион. Он растет, мучает, постепенно вытесняет тебя, создавая другого человека. Так было и с "Недосыгаемой".

— В работе вам много помогает муж. Немного словесный, интеллигентный человек. Но он либо чересчур скромный, либо настолько засекречен вами, что о нем почти ничего неизвестно.

— Сергей Михайлович человек очень талантливый и чрезвычайно умный. Уникально слышит фальшь. Человек непростой, очень гордый, честолюбивый, как и полагается мужчине. А он — настоящий мужчина. Он не умеет сгибаться.

Говорит правду в

Фото Влада ЛОКТЕВА.

Людмила Гурченко

"Я никому не должна, кроме себя!"

Как-то после спектакля "Недосыгаемая" в Театре Маяковского я неожиданно чуть не столкнулся с ней в одном из мрачных переходов закулисья.

Она шла, а вернее, плыла, рассекая сумрак коридора, в блестящем платье английской леди.

Мне пришлось вжаться в стену.

Прошелестев ослепительным нарядом, она проследовала мимо, загадочно улыбаясь и не замечая никого вокруг. Будто герцогиня Мальборо в Букингемском дворце. Действительно недосыгаемая...

Почему я вспомнил этот эпизод? Не знаю.

Так же, как не знал, о чем буду беседовать с ней, хотя добросовестно готовил вопросы, набросал предварительную схему интервью.

Харьковская девочка, запевшая вдруг голосом Лолиты Торрес, героиня "Карнавальная ночь", прима нашего театра и кино — она, конечно, не вписывалась ни в какие предсказуемые схемы.

глаза, порой жестко. После жизни с человеком, который фальшивил и лгал, это было непривычно и даже больно. Но, вы знаете, я впервые в жизни почувствовала себя защищенной. А для женщины это, наверное, самое главное.

— На редкость безупречный портрет. Вы — идеальная пара?

— Что вы. Мы абсолютно разные люди. Он весь в себе, я — наоборот. Знаете, такие "in" и "out". Но в то же время единство вкусов, понимание, уважение. А недостатки я должна научиться прощать. Хотя мне это непросто.

Я один раз видела его в беспомощном состоянии. Я тогда умирала. Умирала не в спектакле, а по-настоящему. Редкое заболевание, похожее на заражение крови. Меня срочно доставили с гастролей из Прибалтики в Москву. Шанс на поправку был один из ста. И вот, когда наступил кризис, ему сказали, что я могу... надо готовиться... А я неожиданно пришла в себя. Прошептала или прохрипела: "Не плачь, я жива".

— А едва поднявшись с больничной койки снова играли на сцене...

— В спектакле была лестница, по которой я поднималась с невероятным трудом. Все куда-то уплывало. Но ничего. Спектакль сыграли.

— Насколько я понял, все ваши силы сейчас направлены на театр?

— Я оставила театр.

— Вы шутите?

— Абсолютно серьезно. Ушла из Театра Чехова. Играю в спектаклях Театра сатиры.

— Чем это вызвано?

— Было замечательное время. И вдруг все остановилось, а потом кончилось. Я почувствовала, что у режиссера как бы пропал интерес к моему спектаклю. Ну что ж... Я услышала, как несколько раз он сказал, что это не его спектакль. Он же его ставил, он принес мне пьесу... Очень многое на подсознательном уровне... Хорошо работает только в атмосфере любви, взаимного восхищения. А если нет... Это ведь тоже своеобразная семья.

— Вероятно, существуют вещи, которые сложно простить?

— В жизни я много всякого насмотрелась, но никогда не могу понять и простить, когда тебя любят и улыбаются, и так искренне, что ты веришь и ценишь, а за спиной вынашиваются стратегические планы твоего падения... Внезапного, неожиданного. Когда нет времени сгруппироваться. Это сильно ожесточает. Резко отвечаешь на удар, а потом или думаешь, или понимаешь — а стоило ли вообще все это... Это длинный разговор... Очень страшно доверяться, открывать душу. Маски, маски. А как увидишь лицо без...

Честно говоря, я несколько растерялся от ее признаний. Не хочет сниматься в кино, ушла из театра.

Народная артистка по-прежнему сидела вполоборота и задумчиво смотрела в окно. На диване устроил Тузик и преданно глядел на хозяйку. Чтобы как-то полнить паузу, я попросил ее вспомнить любой забавный эпизод из актерской жизни. Она без особого энтузиазма стала перебирать разные истории: "Эту я уже рассказывала", "об этом писали"... Но, случайно оглянувшись на Тузика, улыбнулась:

— В апреле играли "Поле битвы после победы принадлежит мародерам". В спектакле есть фрагмент, когда мы с партнером приезжаем в лес поговорить наедине. И вдруг в зрительном зале отчетливо лает собака. Мы на сцене опешили. В голове сумбур: откуда? Может, кто из зрителей пронес на руках маленького пса? Зал насторожился. Вдруг снова раздаются лай. И я понимаю, что это не песик, а настоящий барбос. Что делать? Рождается реплика: "Ты говорил тишина, а тут собаки лают!" Зал упал... Холод, слякоть, собака тихонько проскользнула вместе с публикой. Погреться...

— Чем вы занимаетесь, когда удается побыть дома?

— Всем понемногу. Отдыхаю, читаю, думаю, вышиваю. Что вы улыбаетесь? Вышивка это тоже искусство. Вообще люблю сама все делать.

— Скажите, а новые аранжировки старых песен? Или работа с господином Эм. Си. Павловым над творчеством Маяковского не предвидится?

— Маяковский — это наш отечественный рэп. Чего стоят его замечательные строчки-лесенки. Но ну! этим заниматься. А времени катастрофически хватает.

— Значит, у вас все-таки есть какой-то проект, над которым вы работаете?

— Боюсь даже и говорить. Не просто проект...

— Спектакль? Кино?

— Не спешите. Я сама расскажу. По порядку. Я прочитала рассказ Агаты Кристи. И он запал мне в душу. Сначала я не понимала почему. И вдруг дошло. В нем мысль для готового мюзикла.

— Мюзикл по мотивам Агаты Кристи?

— Это рассказ о женщине. Одиночество при живом муже. О мистическом бюро счастья, где шеф — сам дьявол. Он и берется устроить заново жизнь этой дамы. Появляется молодой человек, и женщина становится прекрасной, заново расцветает. Муж пытается вернуть ее. Такая вот ситуация. Короче, это побег от одиночества, разочарования. Рискованный побег в неизведанное.

— Мне кажется, что для нашей публики все это прозвучит необычно, но весьма интригующе. Дело за исполнителями.

— Исполнители уже работают. В главных ролях: Николай Фоменко, Гидеминас Таранда, Александр Михайлов, Алена Свиридова и многие другие звезды. Эм. Си. Павлов тоже в составе. Режиссер — Андрей Житинкин. Мюзикл написал Виктор Лебедев. Авторы — Александр Бородинский и Юрий Ряшенцев. Художник и сценарист — Андрей Шаров. Аранжировки Анатолия Кальварского. По-моему, достаточно имен плюс большой симфо-джазовый оркестр — 50 человек и оригинальный балет Александра Посьянского.

— Получается грандиозное действо...

— Мы долго вынашивали эту идею. Если хватит сил ее осуществить, сбудется мечта всей моей жизни.

— Вы сказали: "Если хватит сил". Травмы, житейские переломы, военное детство, нынешний кризис... Откуда их взять — эти силы?

— Пью витамины (смеется)... Не знаю. Есть такая артия в нашем новом мюзикле: "Жизнь — как дым. Что же ты молчишь, Москва? Как мне жить, подкажи, мудрые найди слова..." Все время анализируешь: туда или сюда, вверх или вниз, рано или поздно? Помните, у Толстого — князь Андрей: "Жизнь еще не кончена в 31 год окончательно и бесповоротно" (смеется)... И опять фантазируешь, надеешься. А как иначе? Никто не имеет права пускать жизнь на ветер. И если есть возможность, ты должен... Хотя никто никому не должен.

Я должна... Хотя тоже никому...

Только себе.

Петр ВОРОНКОВ.